

S.T.A.L.K.E.R.

АНДРЕЙ ЛАЗАРЧУК

СПИРАЛЬ

ас
ИЗДАТЕЛЬСТВО
Астрель
МОСКВА

Старлею Юре Шихметову не только не дали капитана, но и изгнали из рядов настолько грубо и обидно, что сравнить это можно было только с внезапным изнасилованием в подворотне. Капитану положена была бы хоть маленькая, но своя квартирка в Железноводске, где базировались тылы бригады, а так — быстро сушите кальсоны, товарищ старлей, и в три дня освобождайте комнатку в офицерском общежитии, вам туда больше не надо. Вот ваши гражданские документы, вот немножко денег, и решительно ни в чём себе не отказывайте...

Юра долго и мучительно пытался понять, что произошло, но ни до чего определённого не додумался. Картина не складывалась, а главное — жгучая обида мешала сосредоточиться, подходить ко всему с холодным умом. Он взял билет в плацкартный вагон и купил новые белые штаны с карманами на бёдрах. Продолжая по инерции думать о произошедшем, он забрался на полку и стал смотреть в окно. Смешно и думать, что кто-то из генеральских сынков польстился на хлебное место командира разведвзвода. Единственное, что могло послужить причиной...

— ...повесились у нас два пидорка. Синцзю, красивый японский обычай — двойное самоубийство влюблённых. Вернее, повесился один, второй в петлю залез, а спрыгнуть зассал и выбраться из петли не смог — руки они себе стяжками для кабелей

связали, понимаешь, чтобы уж обратного пути не было; ха! так он и стоял на табуреточке часов восемь, пока старшина не заглянул в бойлерную. Надо было по-доброму табуреточку-то убрать, а старшина недальновидный оказался, вынул гада из петли. Ну и потом дело хитро повернули, что это он их, бедненьких, до самоубийства довёл — адвокаты набежали, матери солдатские, журналюги, пидорозащитники; хорошо, объект режимный, а то из Европарламента штук восемь страшных тёткок в ворота ломались, мы уж просто заперлись изнутри и вениками накрылись. Я смелости набрался и на тёткок этих с вышки в бинокль метров со ста посмотрел... бррр!.. это, скажу я вам, братцы, штука посильней, чем красота. Они, оказывается, идейные были, пидоры-то, люди всей просвещённой Европе известные, видные блогхеры... Случилось это как раз три месяца назад. То есть я и решил, наивный, что прокуроры разобрались, меня и на допросы перестали тягать... А в общем, не знаю. Что это мы пьём?..

Юра любил ездить плацкартными вагонами, особенно летом. В них можно было открывать окна, люди часто менялись, и вообще публика была проще и идейно ближе. У него с детства была особенность: он постоянно ощущал себя немного отдельно от людей, будто между ним и другими висела прозрачная, неощутимая, но прочная плёночка. Время от времени он пытался разорвать её.

Иногда она разрывалась, но чаще — нет.

— Это мы пьём хороший очищенный домашний самогон, настоящий на виноградных шкурках, — сказал сосед по полке.

— Горит?

— Ещё как. Так вот, брат, могу тебе сказать, что история твоя интересна со всех сторон. Прежде всего как демонстрация умения смотреть и не видеть.

— То есть? — не понял Юра.

— То есть я примерно понял, что у вас там произошло и почему тебя так вот по пицунде мешалкой отправили подальше.

В подробностях я, конечно, рассказать не смогу, не был и, кроме тебя, ни с кем больше не беседовал, но одно могу гарантировать: ты про это дело что-то *настоящее* знаешь, но при этом сам даже не чувствуешь, что оно в тебе сидит, это знание. А командиры твои сообразили — ну и...

— Постой-постой. Как это может быть?

— Как тебе объяснить... ты кусочки картины все имеешь, только сложил их неправильно. Мозаики эти, как их... козы, позы...

— Паззлы?

— Во-во. Сложил не так, как надо, а так, как подсказали. И всё сошлось, и лишних нет, а что картинка дурацкая — так и жизнь у нас такая. Или ещё смешнее — был случай: мужик сфотографировал своих приятелей на шашлыках, а на заднем плане на фотокарточке его жена трахалась с каким-то другом семьи; так вот карточка пролежала у него в альбоме четыре года, прежде чем это увидели. Смешно, да? Ещё налить?

— Два глотка, не больше — а то жарко... Слушай, а ты откуда знаешь, что... ну... это...

— А я бывший следак. Причём хороший. Такие вот простенькие дела раскалывал как нечего делать. Потому и бывший теперь...

— Может, тогда и это расколешь? Мучает меня оно...

— Извини, не хочу. Надоедает в конце концов в говне рываться — даже за деньги. И — хочешь совет?

— Ну?

— Забей. Даже если ты и выстроишь верную картинку, ты всё равно ни проверить не сможешь, ни сделать что-то. Поэтому не жги напрасно мозг, он тебе на гражданке ой как пригодится. Ты сам откуда? Москвич?

— Нет, из Дмитрова.

— О, почти соседи. Я из Дубны. Серёгой меня зовут. Чем заниматься будешь, уже знаешь?

— Пока нет. Разберусь на месте.

— Если долго провисать будет, звони. Экспедиторы нам постоянно бывают нужны. Работа разъездная, но не слишком пыльная. Контора не богатая, но и не бедная... в общем, перебиться какое-то время можно. А там что-нибудь получше подыщешь, если не понравится. Может, и не захочешь подыскивать.

— Экспедитором... ну, почему нет. А ты там кто, в этой конторе?

— Разгребаю завалы в основном. И так, по мелочи. Пиши телефон...

— Щас, записульку достану... А что экспедировать-то?

— Жратву в основном. Консервы, пиво... в общем, всякое такое. Стиральный порошок ещё... Минимум романтики.

— Мне этой романтики, якорный бабай...

Юра уже несколько лет поражал очевидный для всех факт: можно сесть в плацкартный вагон и за полтора суток уехать из войны в Москву, где все заняты только собой и всякие там разведзвонды никому на хрен не нужны. А потом снова сесть в тот же вагон и вернуться на войну. Но теперь уже, наверное, обратной дороги ему не будет.

Поздно вечером поезд остановился в голой степи и какое-то время стоял безмолвно, а потом объявили, что впереди серьёзная авария и стоять придётся не меньше шести часов. Юра ушёл далеко в степь. Пахло прогретой землёй, дымком и почему-то сушёной вишней. Над горизонтом полыхала исполинская луна — раз в десять больше московской.

Кто-то пел у костра, кто-то даже плясал.

Простояли меньше шести: тепловоз загудел, собирая разбредшихся. Юра даже с сожалением забрался в вагон, лёг и скоро уснул. Серёга из Дубны давно похрапывал под простыней.

Когда Юра проснулся, Серёги почему-то не оказалось на месте. Ну, не оказалось, и ладно. Человек в командировке...

---

* * *

В Москве у Юры было дело, которого нельзя избежать. Улица Покрышкина находилась далеко на окраине, и он ещё поблуждал в поисках нужного дома. Конечно, родителям Витьки всё сообщили давным-давно, ещё весной, но он привёз, как и обещал, кой-какие Витькины вещи и, главное, папку с рисунками. Подробности рассказывать не стал — соврал, что сидел в другой машине. Его хотели оставить ночевать, но он сумел отговориться: мол, мать ждёт.

Успел на последнюю электричку.

Про мать он тоже соврал, но оказалось, что не соврал: действительно ждала. Вообще-то она жила со своим третьим мужем в Брянске, он был большой шишкой на строительстве новой общей русско-белорусско-украинско-казахстанской столицы. Про приезд Юры она узнала случайно, позвонив в часть и попав на Володина, он-то всё и рассказал.

Проговорили до утра.

Ехать в Брянск Юра всё-таки отказался, хотя Брянск сейчас кипел и блистал, и устроиться там на хорошую перспективную работу можно было куда легче, чем здесь. Мать уехала назавтра вечером, она теперь тоже была очень занятым человеком и ездила на «BMW» с личным водителем.

Квартира — хорошая, трёхкомнатная, почти в центре — бывала в захламлении и запустении. Теперь Юра был тут полным хозяином. Он стаскал ненужную мебель в меньшую из комнат, запер её, стал жить на освободившемся пространстве. Денег по расчётам должно было хватить на два месяца, если не шиковать. Не слишком охотно он обзвонил немногочисленных прежних друзей и подруг, с кем-то посидел за пивом, с кем-то повалялся в койке. Это было скучно. Его ещё в школе звали Замороженным, тогда он обижался и пытался как-то с этим бороться; теперь понял: против природы не попрёшь. Ну, замороженный. Зато похож на молодого Мэтта Деймона. Тот тоже замороженный. И ничего — звезда.